

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АКТОРОВ ЗАПРОСА НА ПЕРЕМЕНЫ

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 19-011-00277

Н. В. Латова¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН.
109544, Россия, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1

Для цитирования: Латова Н. В. Социально-экономическое положение акторов запроса на перемены // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 2. С. 7–26. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.2.8098

Аннотация. В статье анализируется социально-экономическое положение сторонников перемен и приверженцев стабильности в статике (по данным 2019 г.) и динамике (на протяжении 1997–2019 гг.). В результате анализа подтверждается концепция, согласно которой абсолютное значение социально-экономического положения (уровень доходов) не имеет значимой связи с наличием/отсутствием протестных запросов. Более продуктивным признано изучение субъективной удовлетворённости социально-экономическим положением. При этом следует решительно отвергнуть точку зрения, что главными сторонниками перемен в постсоветской России являются россияне, ощущающие себя бедными. Анализ показал, что сторонники перемен – это, как правило, люди со средним материальным положением. При этом в сравнении с предыдущими годами акторы запроса на перемены к концу 2010-х гг. приобретают новые черты: будучи более удовлетворёнными своим бэкграундом, они демонстрируют неудовлетворённость теми аспектами своей жизни, которые определяют их будущее (материальное положение, доступ к качественной медицинской помощи и особенно к возможности выражать свои политические взгляды). На первый план в современных условиях, в отличие от первого постсоветского десятилетия, выходят скорее социально-политические факторы. В целом основные социально-экономические различия последних лет между сторонниками перемен и приверженцами стабильности можно описать следующим образом: желающие перемен острее переживают проблемы материального положения и поддержания здоровья, но ещё острее – снижение возможностей в политической сфере жизни общества.

Ключевые слова: запрос на перемены; сторонники перемен; приверженцы стабильности; среднедушевые ежемесячные доходы домохозяйств; субъективное социально-экономическое положение; возможность выражать политические взгляды

Введение

В последние годы российская социально-политическая ситуация начала существенно меняться: в начале 2000-х гг. среди россиян преобладали сторонники стабильности, но с 2014 г. начался активный рост доли желающих перемен, так что в 2018–2020 гг. их количество уже превышало (хотя и несильно) сторонников стабильности (см., например, [15]). «Волна» роста желающих перемен совпала

с началом экономического кризиса 2014–2016 гг., который существенно ударил по благосостоянию очень многих россиян. Опасность ситуации заключалась в том, что завершение кризиса (спада) привело не к возобновлению желаемого бодрого экономического роста (если не как в 2000-е, то хотя бы как в начале 2010-х), а к депрессии, вялому подъёму. Экономисты к тому же утверждали, что на горизонте – новый глобальный циклический кризис, похожий на кризисы 1998 и 2008 гг. Этот прогноз стал одновременно и верным, и ошибочным: глобальный экономический кризис весной 2020 г. начался, но он оказался не просто экономическим, а экономико-эпидемиологическим. Поскольку его влияние на благосостояние россиян определённо будет сопоставимым с кризисом 2014–2016 гг., то проблема роста «запроса на перемены» приобретает всё более высокую актуальность.

Отечественные обществоведы в контексте роста «запроса на перемены» давно обсуждают ленинские признаки «революционной ситуации», один из которых – «усиление выше обычного нужды и бедствий народных масс». В этой связи следует задуматься о том, насколько ленинская концепция пригодна в наши дни. Ведь в её основе лежит марксистское убеждение, что главные акторы социального протеста – бедные слои, поэтому люди сильнее «бунтуют», когда их бедствия усиливаются. Но так ли это на самом деле в современных условиях?

Постановка исследовательской задачи: акторы перемен и их социально-экономическое положение

Быстрый рост числа россиян, желающих перемен, привёл к тому, что в последние годы в российском научном дискурсе резко актуализировались исследования «запроса на перемены» [2; 3; 10; 5; 6; 9; 10; 14].

Чаще всего исследователи изучают политологический аспект этого явления – приверженность россиян различным идеологиям, формирующим ключевые характеристики общественного мнения относительно желаемого будущего страны [7; 1]. Встречаются, хотя и заметно реже, публикации, в которых «запрос на перемены» рассматривается с других ракурсов, например, в контексте социально-психологических [8] или религиозных факторов [12]. Однако, как ни странно, современные исследователи мало внимания уделяют социально-экономическому положению современных россиян.

Кто, казалось бы, сильнее всего желает качественных изменений? Конечно, с точки зрения последователей Маркса / Ленина, – те, кому нечего терять. Однако на самом деле социально-экономическое положение акторов запроса на перемены – не настолько тривиальный вопрос, как это может показаться на первый взгляд. Даже обычные россияне видят в желающих перемен вовсе не «униженных и оскорблённых». Так, по данным Левада-Центра в 2019 г., при ответе на вопрос «Как вы считаете, кто в России больше всего хочет перемен?» россияне ставят малоимущие

слои населения (42%) на 2-е место, а депривированных пенсионеров — на 3-е (38%) [3, с. 8]. Похожий результат был получен и в рамках исследования ИС РАН в октябре 2018 г.: лишь 30% россиян (4-е место в рейтинге ответов) назвали бедные слои группой, заинтересованной в переменах [13, с. 124]. И в том, и в другом исследовании в качестве наиболее вероятного актора «запроса на перемены» россияне назвали молодёжь — социальную группу, которую трудно отнести к тем, кому нечего терять. Кроме молодёжи в ответах фигурировали средний класс и даже российский народ в целом. Все эти три социальные группы, сильно различающиеся по характеристикам, тем не менее не относятся ни к малоимущим, ни тем более к бедным. Возникает закономерный вопрос: являются ли на самом деле малоимущие и бедные реальными акторами, активно требующими перемен в нашей стране, или это — скорее некий стереотип, унаследованный от советского обществоведения?

Такая постановка вопроса далеко не нова. На начальных этапах развития социологии наиболее часто взаимосвязь социально-экономических характеристик населения и его участия в протестных акциях/движениях изучалась действительно именно в ракурсе экономического неравенства. Традиция такого изучения заложена в работах А. Токвиля и особенно в знаменитом «Манифесте» К. Маркса и Ф. Энгельса, авторов лозунга о пролетариях, которые революционны именно потому, что «им нечего терять, кроме своих цепей». Обществоведы XXI века в приоритетной склонности бедных к протестным выступлениям уверены гораздо меньше.

Современные западные исследователи отмечают, что полученные ими данные противоречивы (см., например, [17; 23; 21]). С одной стороны, многие утверждают, что высокий уровень неравенства доходов подавляет политический интерес и политическую активность сначала у самых бедных (вследствие отсутствия в современной политической повестке актуальных для них проблем), а затем, хотя и в заметно меньшей степени, и у состоятельных граждан. С другой стороны, ряд исследователей придерживаются противоположной точки зрения, близкой к марксизму: чем сильнее экономическое неравенство, тем выше политическая активность (основанная на стремлении разрушить / сохранить существующую модель распределения) в отстаивании своих интересов как бедными, так и богатыми. Наконец, существует и третья традиция в изучении данного вопроса, согласно которой политическая активность зависит от имеющихся у людей ресурсов (времени, денег и навыков их эффективного использования), так что политическая активность, вопреки Марксу, менее распространена среди относительно бедных по сравнению с более обеспеченными гражданами.

Попытки понять связь между показателями экономического положения людей и их участием в протестных движениях привели к интеграции разных теоретических подходов. Например, современные южноафриканские исследователи обратили внимание на то, что ограниченный доступ к базовой сервисной инфраструктуре (канализация, электричество, вода), типичный для бедных слоёв, связан в ЮАР с поддержкой доминирующей партии. В то же время оп-

позиционную точку зрения часто поддерживают вовсе не самые бедные, а те, кто находятся в середине распределения доходов. При этом их политическое поведение определяют субъективные ожидания и представления о качестве услуг, к которым они имеют доступ [24]. Другой пример — исследование, авторы которого предложили взглянуть на экономическое положение людей в контексте ситуации в стране в целом. С их точки зрения, экономический кризис сам по себе демобилизует население, которому становится «не до политики», в то время как протестная мобилизация наступает, если происходит не непосредственно ухудшение благосостояния, а ухудшение ожиданий экономических перспектив [21]. А изучение последствий мирового экономического кризиса 2008 г. в Исландии показало, что финансовый ущерб предопределяет участие в протестах только если люди считают, что их потери больше, чем у других [16].

Отметим, что во всех описанных случаях социально-экономическое положение приобретает значимость для протестной активности не столько в абсолютном его измерении, сколько через его субъективное переживание. Аналогичные исследования (например, [18; 22]) приобрели особую популярность за последние годы и снова ввели в обществоведческий оборот сложившуюся ещё в 1960-е гг. теорию недовольства из-за относительной депривации (см., например, [19; 20; 4]).

Другой важный вывод, вытекающий из социологических исследований протестной деятельности в последние десятилетия, — необходимость контекстного подхода, т. е. учёта конкретных обстоятельств конкретной страны. Скажем, парадоксальная ситуация в ЮАР, где бедные слои поддерживают существующий режим, а средние слои существенно оппозиционны, связана с тем, что с 1994 г. правящей партией является лево-националистический Африканский национальный конгресс, со времён апартеида провозглашающий защиту прав прежде всего малоимущих чёрных, в то время как средние слои (особенно, белые и «цветные») больше ориентируются на оппозиционные партии, сдерживающие «чёрный передел». Напротив, относительно малочисленное и моноэтническое общество Исландии — одно из наиболее эгалитарных, культивирующих равенство граждан, которых не слишком возмущает общее переживание трудных времён, но волнует, если кто-то оказывается более равен, чем другие.

Методология исследования: сторонники перемен vs приверженцы стабильности

Таким образом, есть основания полагать, что, с одной стороны, формирование «запроса на перемены» во многом обусловлено субъективным переживанием людьми своего социально-экономического положения, но, с другой стороны, для понимания этих переживаний необходим учёт конкретных особенностей развития страны в определённый период.

Подтверждаются ли эти зарубежные концепции данными российских исследований? Какие субъективные переживания социально-экономического характера (если такие выделятся) значимы для сторонников перемен в современной России? На самом ли деле такие переживания связаны с имущественными показателями (более свойственными наименее состоятельным слоям населения) или это характеристики другого порядка? Наконец, является ли этот набор характеристик стабильным на протяжении последних 20 лет или претерпел существенное изменение?

Для ответа на эти вопросы обратимся к сравнительному изучению двух групп россиян – сторонников перемен и приверженцев стабильности. В качестве предмета исследования выступят объективные и субъективные характеристики социально-экономического положения представителей каждой из этих двух групп россиян.

Эмпирической базой исследования стали данные всероссийского опроса «О насущных проблемах нашей жизни и взаимодействии регуляторов, бизнеса и граждан», проведенного по репрезентативной выборке в июне 2019 г. Институтом социологии ФНИСЦ РАН. Опрос охватил 2000 россиян в возрасте от 18 лет, жителей всех типов поселений и территориально-экономических районов РФ, представлявших основные социально-профессиональные группы населения. Также для анализа динамических изменений использовались данные ряда других исследований: «Мониторинг ИКСИ 1997» (1997 г.), «Богатые и бедные в современной России» (2003 г.), «Чего опасаются россияне?» (2008 г.) и «Средний класс в современной России: 10 лет спустя» (2014 г.). Все эти исследования осуществлялись по однотипной с исследованием 2019 г. модели выборки с использованием типовых вопросов (показателей).

Для целей нашего анализа на основе ответов на анкетный вопрос о желательности перемен в жизни страны все респонденты были разделены на две группы – сторонников перемен и приверженцев стабильности (см. табл. 1).

В разные годы анкетный вопрос, на основе которого выделяются сторонники перемен и приверженцы стабильности, формулировался немного по-разному, но каждый раз в паре полярных суждений присутствовал смыслообразующий маркер «перемены». Данный термин, широко используемый в современном российском общественном дискурсе (включая социологические опросы), формально означает любые существенные изменения, не обязательно ведущие к качественному изменению «правил игры». Однако общий социально-политический контекст использования этого понятия с 1980-х гг. таков, что он однозначно связан в сознании россиян с радикальными институциональными изменениями, «взрывающими» традиционные социально-экономические и политические правила, диктуемые властями. Благодаря такому смысловому «бэкграунду» ключевого понятия используемых пар суждений различия в их формулировках в разные годы исследований становятся заметно менее существенными, чем это обычно бывает в социологических опросах.

Таблица 1

**Количество сторонников перемен и приверженцев стабильности
в социологических исследованиях 1997–2019 гг., чел.**

Год	Группа*	Варианты ответов на вопрос: «Отметьте, пожалуйста, в каждой паре суждений то, с которым Вы в большей степени согласны»	Количество опрошенных
2019 июнь	П	Страна нуждается в существенных переменах, нужны новые реформы в экономической и политической жизни страны	1139
	С	Страна нуждается в стабильности, это важнее, чем перемены	861
2014 март	П	Страна нуждается в переменах, новых реформах, даже если эти перемены связаны с риском утраты стабильности	561
	С	Страна нуждается в стабильности, это важнее чем перемены	1327
2008 август	П	Страна нуждается в существенных переменах, нужны быстрые, кардинальные реформы в экономической и политической жизни страны	707
	С	Страна нуждается в стабильности, реформах эволюционного характера	863
2003 март	П	Общество нуждается в существенных переменах	1127
	С	Я не рассчитываю на перемены к лучшему и считаю, что главное – не допустить дальнейшего ухудшения ситуации	970
1997 июль	П	Жить в непрерывно меняющемся обществе трудно, но всё-таки интересно	828
	С	«Все перемены к худшему», поэтому я хотел(а) бы, чтобы мир вокруг меня оставался таким же, каким я привык(ла) его видеть	891

*П – сторонники перемен, С – приверженцы стабильности.

Сторонники перемен vs приверженцы стабильности: сравнение по абсолютным показателям социально-экономического положения

Прежде всего следует разобраться в том, насколько подтверждается в российской действительности конца 2010-х гг. базовый посыл теорий о невысокой значимости абсолютных показателей социально-экономического положения граждан той или иной страны для понимания их участия в протестных движениях. Для этого проанализируем среднедушевые ежемесячные доходы домохозяйств сторонников перемен и приверженцев стабильности, а также их кредитно-долговую нагрузку.

На рис. 1 величина столбиков («коробок») представляет собой среднедушевые ежемесячные доходы домохозяйств, которыми характеризуются средние 50% выборки каждой из подгрупп россиян (т. е. представляет собой разницу между верхним

и нижним доходными квантилями). Сплошные горизонтальные линии в каждом из столбиков отображают медианные значения среднедушевых ежемесячных доходов домохозяйств для конкретной подгруппы россиян. «Усики» серых столбиков – расстояние от верхнего и нижнего квантиля, соответствующее 1,5 значениям величины столбиков (их концы соответствуют максимальным и минимальным значениям без учёта выбросов). Значения среднедушевых ежемесячных доходов домохозяйств, находящиеся за пределами «усиков», являются статистическими выбросами, они отмечены выколотыми точками. Наконец, экстремальные выбросы, находящиеся на расстоянии более трёх значений величины столбиков, помечены звёздочками.

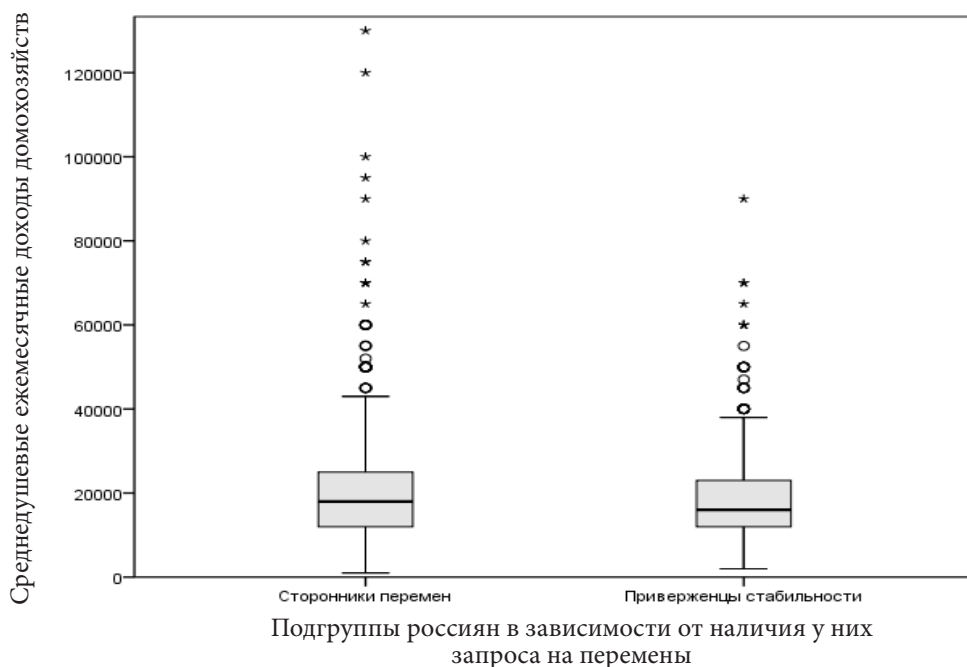

Рис. 1. Диаграмма размаха среднедушевых ежемесячных доходов домохозяйств сторонников перемен и приверженцев стабильности, 2019 г.

На диаграмме размаха хорошо видно, что обе «коробки» сильно похожи, а значит различия среднедушевых ежемесячных доходов домохозяйств сторонников перемен и приверженцев стабильности незначительны. Действительно, медианный показатель среднедушевых ежемесячных доходов домохозяйств сторонников перемен составляет 20 602 руб., в то время как среди приверженцев стабильности – 18 726 руб., лишь на 9% меньше. Так же мало отличаются между собой и квартильные размахи. Единственное существенное различие относится к выбросам: их заметно больше в группе сторонников перемен, причём у них преобладают экстремальные выбросы, т. е. среди сторонников перемен чуть чаще, чем среди приверженцев стабильности, встречаются состоятельные россияне.

Аналогично выглядят различия двух исследуемых групп по кредитам и сбережениям, которыми обладают их представители (см. табл. 2). Действительно, сторонники перемен чуть чаще имеют сбережения, но вместе с тем у них есть долги банкам и частным лицам. Поскольку эти различия незначительны, правомерно утверждать, что статистически значимых различий по этим абсолютным показателям социально-экономического положения между сторонниками перемен и приверженцами стабильности почти не наблюдается.

Таблица 2

Численность представителей разных подгрупп россиян, имеющих сбережения и долги, 2019 г., %

Характеристики	Сторонники перемен (1)	Сторонники стабильности (2)	Разница между группами (1)-(2)
Сбережения, достаточные, чтобы Вы и Ваша семья могли прожить на них не менее года	8,9	7,5	1,4
Сбережения, недостаточные для того, чтобы жить на них длительное время	19,1	18,2	0,9
Невыплаченные полностью кредиты в банках	27,1	23,6	3,5
Невыплаченные полностью кредиты на работе	1,8	2,2	-0,4
Долги частным лицам	11,1	10,2	0,9
Другое	0,2	0,3	-0,1
Ничего из вышеперечисленного не имею	37,0	40,3	-2,7
Затрудняюсь ответить	6,5	6,0	0,5

Таким образом, с одной стороны, мы находим подтверждение мнению, что абсолютное значение социально-экономического положения россиян не имеет значимой связи с наличием или отсутствием у них «запроса на перемены». Однако, с другой стороны, есть основания полагать, что подгруппа сторонников перемен несколько менее однородна в плане их материального благосостояния, причём среди них чаще встречаются россияне с благосостоянием несколько выше, чем по выборке в целом.

Сторонники перемен vs приверженцы стабильности: статическое сравнение по удовлетворённости разными аспектами жизни

Обратимся теперь к анализу субъективного социально-экономического положения изучаемых нами двух подгрупп россиян. Поскольку недовольство (субъективное переживание своего социально-экономического положения)

можно определить как «чувство неудовлетворённости важными аспектами жизни», такими как уровень жизни, доход, занятость и т. д., остановимся на оценках людьми их повседневного бытия.

В целом самооценки двумя подгруппами россиян различных сторон своей жизни выглядят очень похожими (см. табл. 3). С одной стороны, наиболее распространёнными в большинстве сфер жизни являются оценки «удовлетворительно». С другой стороны, по распространённости оценки «хорошо» в обеих группах россиян превышают оценки «плохо» по подавляющему большинству аспектов их повседневного бытия.

Существенных различий между сторонниками перемен и приверженцами стабильности в оценках разных аспектов их повседневной жизни оказалось мало. Лишь по трём аспектам сторонники перемен оценивают свою жизнь лучше, чем приверженцы стабильности, — по состоянию здоровья (различие в 11,9 п.п.), отношениям в семье (6,7 п.п.) и жилищным условиям (6,7 п.п.). Ещё в трёх случаях, наоборот, сторонники перемен оценивали свою жизнь хуже — по возможности выражать свои политические взгляды (16,5 п.п.), материальной обеспеченности (8,1 п.п.) и возможности получать качественную медицинскую помощь (6,6 п.п.).

Совокупность полученных различий даёт нам противоречивую картину особенностей социально-экономического положения сторонников перемен в сравнении с приверженцами стабильности. Складывается впечатление, что в целом желающие перемен — группа россиян с более качественными базовыми характеристиками своей жизни, но и с более высокими запросами. Парадоксально, например, что лучшее здоровье у сторонников перемен сочетается с более низкими оценками возможностей получать качественную медицинскую помощь. Причём различия у сторонников перемен и приверженцев стабильности наблюдаются в подгруппах тех, кто изначально оценили своё здоровье как хорошее и удовлетворительное. Похожая странная закономерность наблюдается и при сопоставлении удовлетворённости жилищными условиями и материальной обеспеченностью. Сравнение сопоставимых подгрупп среди сторонников перемен и приверженцев стабильности свидетельствует, что различия в оценке своей материальной обеспеченности наблюдаются в первую очередь среди тех, кто оценивают свои жилищные условия на «хорошо» и «удовлетворительно». Получается, что лучшие жилищные условия у сторонников перемен сочетаются с меньшей их удовлетворённостью своим материальным обеспечением.

Такие сочетания выглядят парадоксальными, но их можно объяснить. Судя по всему, более качественный бэкграунд у сторонников перемен сочетается с невысокой уверенностью в возможности его поддерживать и в дальнейшем. Это усугубляется самым значимым и вполне ожидаемым различием между сторонниками перемен и приверженцами стабильности — возможностью выражать свои политические взгляды. Действительно, это единственная сфера жизни россиян, по которой наблюдается преобладание негативных оценок над позитивными у сторонников перемен (разница составила 5,6 п.п.) в противовес приверженцам стабильности, которые всё же чаще высказываются по этому поводу положительно (разница 10,9 п.п.).

Таблица 3
Оценки россиянами своей жизни в целом и её различных аспектов, 2019 г., % социальных групп¹

Аспекты материального положения	Сторонники перемен			Приверженцы стабильности			
	Хорошо	Удовлетворительно	Плохо	Хорошо	Удовлетворительно	Плохо	Разница оценок «хорошо» и «плохо»
Материально обеспечены	12,6	52,9	34,5	15,8	54,6	29,6	-13,8
Питаются	32,7	58,7	8,6	32,6	58,0	9,4	23,2
Одеваются	26,7	58,3	15,0	28,5	57,5	14,1	14,4
Состояние здоровья	31,6	52,1	16,3	24,3	54,8	20,9	3,4
Жилищные условия	40,4	49,5	10,1	36,6	50,4	13,0	23,6
Отношения в семье	59,8	36,3	3,9	54,5	40,2	5,3	49,2
Возможности проведения досуга	28,0	49,2	22,8	28,0	49,4	22,6	5,4
Ситуация на работе*	20,6	61,9	17,5	22,8	61,7	15,5	7,3
Возможность отдыха в период отпуска	21,4	44,2	34,3	20,4	50,3	29,3	-8,9
Возможность общения с друзьями	48,9	45,4	5,7	45,6	48,4	5,9	39,7
Возможность реализовать себя в профессии*	25,0	53,6	21,5	24,3	55,2	20,5	3,8
Возможность получения образования и знаний, которые Вам необходимы	22,9	54,1	23,0	21,5	52,4	26,1	-4,6
Место в котором Вы живёте (город, посёлок, село)	35,1	55,3	9,6	39,0	52,0	8,9	30,1
Ваше положение, статус в обществе	27,1	63,3	9,6	28,5	62,6	8,9	19,6
Уровень Вашей личной безопасности	31,1	57,3	11,6	30,9	61,2	7,9	23,0
Экологическая ситуация в том месте, где Вы живёте	21,1	53,7	25,2	24,0	51,2	24,7	-0,7
Возможность выражать свои политические взгляды	19,6	55,2	25,2	25,8	59,3	14,9	10,9
Возможность получать качественную медицинскую помощь, в том числе платную	11,3	45,3	43,4	14,3	45,9	39,8	-25,5
Возможность исповедовать свою религию	49,8	45,5	4,7	49,5	47,2	3,4	46,1
Жизнь в целом складывается	25,4	63,8	10,8	28,9	60,7	10,3	18,6

* Данные приведены от работающих.

¹ Фоном выделены ячейки, где различия оценок «хорошо» и «плохо» у сторонников перемен и приверженцев стабильности превышали 6 п.п. (6 п.п. выбрано здесь и далее как значение, заведомо превышающее величину статистической погрешности).

Представляется возможным интерпретировать выделенные нами особенности следующим образом: сторонники перемен, обладая в целом более качественными базовыми социально-экономическими характеристиками, не ощущают, что могут повлиять на дальнейшие жизненные изменения, а имеющиеся у них ресурсы и возможности оценивают как недостаточные для уверенного поддержания привычного уровня жизни.

Является ли такое сочетание характеристик социально-экономического положения акторов запроса на перемены чем-то характерным лишь для современной (рубежа 2010–2020-х гг.) российской ситуации? Или это типично для поляризации россиян на сторонников/противников перемен уже длительное время?

Сторонники перемен vs приверженцы стабильности: динамическое сравнение по удовлетворённости различными аспектами жизни

С одной стороны, в обществе с переходной экономикой изменения социально-экономического контекста могут спровоцировать формирование новых недовольств. С другой стороны, прежние запросы могут исчезнуть, потому что люди чувствуют улучшение своей жизни или потому, что они с оптимизмом смотрят в будущее. В результате более глубокое понимание роли субъективного социально-экономического положения в определении приверженности россиян к переменам или стабильности даст анализ динамики удовлетворённости различными аспектами жизни граждан нашей страны на протяжении 20-летнего периода.

На основании имеющихся данных можно сопоставить характеристики сторонников и противников перемен в России, рассмотрев на протяжении последней четверти века четыре временные точки с лагом 5–6 лет: июль 1997 г. (финал президентства Ельцина, время массовых акций протеста против невыплаты заработной платы); март 2003 г. (период ускоренного экономического роста на фоне восстановления «вертикали власти» и завершения антитеррористической операции в Чечне); август 2008 г. (завершение «Маршей несогласных», переживание российско-грузинского военного конфликта); март 2014 г. (отголоски недавних массовых протестов 2011–2013 гг., переживание присоединения Крыма); 2019 г. (острые дискуссии по пенсионной реформе).

Рассмотрим закономерности, которые можно выделить при анализе оценок россиянами различных сторон их социально-экономического положения с учётом общего исторического контекста. Для удобства комплексного восприятия полученной картины скомпонуем 17 аспектов социально-экономического положения россиян в смысловые блоки: материальное положение, человеческий капитал, трудовая сфера, общественная жизнь и личная жизнь¹. Кроме этого, отдельно выделим интегральную характеристику — «жизнь в целом складывается» (табл. 4).

¹ По оставшимся двум аспектам из 19-ти есть данные лишь за 2019 г.

Таблица 4

**Разница оценок «хорошо» и «плохо»
различных сторон социально-экономического положения россиян, 1997–2019 гг., п.п.¹**

Аспекты оценки	2019 июнь		2014 март		2008 авг.		2003 март		1997 июль	
	П	С	П	С	П	С	П	С	П	С
Материальное положение										
Материально обеспечены	-21,9	-13,8	11,7	1,5	-7,9	3,1	-32,1	-33,5	-38,3	-59,3
Питаются	24,1	23,2	44,8	36,8	21,8	32,7	10,4	4,5	-0,7	-26,7
Одеваются	11,7	14,4	30,1	21,3	13,3	20,7	-10,9	-19,4	-16,9	-43,9
Жилищные условия	30,3	23,6	27,1	27,3	12,9	25,3	4,2	7,7	-0,3	-7,2
Возможности проведения досуга	5,2	5,4	27,9	19,7	6,8	13,7	-16,8	-23,6	-14,6	-38,5
Возможность отдыха в период отпуска	-12,9	-8,9	13,9	7,6	-7,9	-0,9	-32,3	-34,4	-34,9	-60,9
Человеческий капитал										
Возможность получения образования и знаний, которые Вам необходимы	-0,1	-4,6	15,8	12,6	0,7	4,6	-16,1	-20,8	-	-
Состояние здоровья	15,3	3,4	29,3	15,5	8,9	15,7	-0,2	-5,9	4,1	-24,7
Возможность получать качественную медицинскую помощь, в том числе платную	-32,1	-25,5	-	-	-	-	-	-	-	-
Трудовая сфера										
Ситуация на работе*	3,1	7,3	32,6	32,5	24,9	31,7	16,3	10,6	-	-
Возможность реализовать себя в профессии*	3,5	3,8	21,6	23	14,5	25,5	8	4,5	-4,9	-28,8
Общественная жизнь										
Ваше положение, статус в обществе	17,5	19,6	28,7	24,5	19	26,5	8,2	-2	-	-
Уровень Вашей личной безопасности	19,5	23	18,6	17,2	6,4	7,4	-11,6	-15,9	-	-
Возможность выражать свои политические взгляды	-5,6	10,9	11,6	18,6	13,4	20,3	-	-	22,8	-0,9
Личная жизнь										
Отношения в семье	55,9	49,2	54,6	58,6	50,9	54,3	59,6	47,0	47,2	33,7
Возможность общения с друзьями	43,2	39,7	51,3	51,4	44,3	51,3	49	39,9	36,8	7,8
Место, в котором Вы живете (город, поселок, село)	25,5	30,1	31,2	34	31,3	43,3	19,6	17	-	-
Интегральная характеристика										
Жизнь в целом складывается	14,6	18,6	31,7	33,2	18,7	29,2	9,8	4,7	4	-27,9

*Данные приведены в процентах от работающих.

¹ Светлым фоном выделены ячейки, где различия разниц оценок «хорошо» и «плохо» у сторонников перемен и приверженцев стабильности превышали 6 п.п.; тёмным фоном – где различия особенно велики, более 10 п.п.

Чтобы эту таблицу было легче воспринимать, построим на её основе более компактную (табл. 5), в которой будет показано количество аспектов, по которым различия наиболее велики (интенсивность различий), а также кто по этим аспектам чувствует себя лучше – сторонники или противники перемен (векторность различий).

Таблица 5

**Интенсивность и векторность различий оценок «хорошо» и «плохо»
различных сторон социально-экономического положения россиян, 1997–2019 гг.**

Величина различий*	2019 июнь		2014 март		2008 авг.		2003 март		1997 июль	
	П > С	П < С	П > С	П < С	П > С	П < С	П > С	П < С	П > С	П < С
> 6 п.п.	3	3	6	1	0	13	5	0	11	0
> 10 п.п.	1	1	2	0	0	5	2	0	10	0
> 15 п.п.	0	1	0	0	0	0	0	0	9	0

*В таблице показаны пересекающиеся множества (количество аспектов, по которым различия превышают 15 п.п., входит в количество аспектов, по которым различия превышают 6 и 10 п.п., и т. д.). Интегральная характеристика «жизнь в целом складывается» не учитывается.

Первое, что необходимо отметить, – определённую уникальность показателей 1997 г., последних лет президентства Б. Н. Ельцина. Практически по всем позициям различия между сторонниками перемен и приверженцами стабильности можно метафорически описать как различия между «тяжело» и «ещё тяжелее». Причём приверженцам стабильности было не просто хуже, чем сторонникам перемен, а значительно хуже. Важно отметить, что сторонники перемен характеризовались в конце 1990-х гг. однозначно более хорошими оценками по абсолютно всем параметрам, которые тогда замеряли. По пяти параметрам (состоянию здоровья, возможности выразить свои политические взгляды, отношениям в семье, общению с друзьями и, важно отметить, интегральной оценке жизни) среди сторонников перемен даже преобладали те, кто оценивали свою жизнь как «хорошую», в то время как у приверженцев стабильности такое наблюдалось только по оценкам личной жизни, которую в России вообще не принято критически оценивать. Другими словами, сторонники перемен конца 1990-х – это люди, которые хотя и негативно оценивали большинство аспектов своей жизни, но при этом на общем фоне чаще были, судя по их самооценкам, успешными и обеспеченными.

Похожая тенденция, когда сторонники перемен чаще, чем приверженцы стабильности, оценивают свою жизнь как более благополучную, прослеживается также в 2003 и 2014 гг. Правда, в эти периоды данная закономерность выражена слабее: сторонники перемен были удовлетворены своей жизнью больше приверженцев стабильности, но разрывы между ними меньше, и по гораздо меньшему количеству аспектов. Самое главное, от 1997 к 2014 г. наблюдается общее улучшение самооценок: если в конце 1990-х гг. речь шла о различиях между «тяжело»

и «ещё тяжелее» (положительная разница оценок наблюдается нечасто и только у сторонников перемен), то в начале 2010-х гг. — между «приемлемо» и «терпимо» (отрицательная разница оценок вообще не наблюдается).

Если в трёх отмеченных периодах сторонниками перемен были более благополучные категории россиян, по их субъективным оценкам, то в 2008 и 2019 гг. ситуация была качественно иной. В 2008 г. сторонники перемен оказались по всем показателям менее удовлетворены своей жизнью, чем приверженцы стабильности. Что же касается 2019 г., то как уже отмечалось ранее, у сторонников перемен удовлетворённость одними аспектами жизни сочеталась с неудовлетворённостью другими.

Вторая закономерность связана уже не с вектором различий между сторонниками перемен и приверженцами стабильности, а с множественностью аспектов их проявлений (интенсивностью). Больше всего аспектов, по которым наблюдались существенные различия (даже с учётом того, что количество оцениваемых характеристик в разные годы отличалось), было в 1997 г. (различия по всем показателям) и в 2008 г. (почти по всем показателям), т. е. в периоды относительно массовых протестных выступлений. Меньше всего различий было в 2003 и 2019 гг., в периоды относительного протестного «затишья». Такая закономерность позволяет предположить, что чем больше сфер жизни оцениваются сторонниками перемен и приверженцами стабильности по-разному, тем больше и вероятность перехода скрытых противоречий в фазу видимых, презентованных широкой общественности протестных требований.

Третья особенность сторонников перемен по сравнению с их оппонентами обнаруживается при анализе разных смысловых блоков. Наиболее часто и сильно различия фиксируются в субъективных оценках обеих групп своего материального положения. Поскольку этот блок не менял своего наполнения (6 аспектов) при опросах на протяжении всего периода, можно с полной уверенностью утверждать, что именно эта сфера жизни во многом определяет различие между сторонниками перемен и приверженцами стабильности. Наиболее значимым выступает показатель «материальной обеспеченности», по которому наблюдаются наиболее сильные различия. Второе место по различиям занимает показатель того, как представители двух групп оценивают свои возможности «проводить досуг» и «одеваться». Отметим, что оба этих показателя связаны с презентацией своего места и статуса в обществе, поскольку являются (в отличие, например, от возможностей «питания» и «жилищных условий») легко наблюдаемыми со стороны. По глубине различий к блоку характеристик материального положения отчасти примыкает блок характеристик человеческого капитала. Точнее, речь идёт о показателе «состояние здоровья», по которому всегда, кроме 2003 г., наблюдались сильные различия между сторонниками перемен и приверженцами стабильности.

Меньше всего различий между представителями обеих групп наблюдается в блоках «трудовая сфера» и «общественная жизнь». Однако во втором из них необходимо уделить особое внимание показателю «возможность выражать

свои политические взгляды». Это — единственный показатель, который при абсолютно всех анализируемых замерах демонстрировал существенные различия между теми, кто стремится к переменам, и теми, кто выступают за стабильность. Причём в 1997 и 2019 гг. эти различия были связаны ещё и с разными векторами удовлетворённости этим показателем (когда одна группа в целом удовлетворена имеющимися возможностями, а другая — нет). Кроме того, это — единственный аспект, который сторонники перемен в исследуемый интервал времени неуклонно оценивали всё хуже и хуже (от разницы оценок «хорошо» и «плохо» в 22,8 п.п. в 1997 г. до минус 5,6 п.п. в 2019 г.).

Заключение

Подведём итоги проведённому анализу социально-экономического положения сторонников и противников перемен в современной России.

Во-первых, необходимо отметить, что полученные данные подтверждают продуктивность синтеза социально-экономических показателей с протестным потенциалом. Однако при этом, в полном соответствии с современными западными исследованиями, значение для социальных движений имеет не столько реальный уровень благосостояния граждан, сколько их субъективная удовлетворённость своим социально-экономическим положением.

Во-вторых, марксистский подход (т. е. акцент на материальном интересе участников протестных акций) сохраняет актуальность, но с определённой корректировкой. Действительно, субъективное материальное положение на протяжении последних лет — один из основных маркеров, разделяющих россиян на сторонников перемен и приверженцев стабильности. Однако следует решительно отвергнуть точку зрения, будто главными сторонниками перемен в постсоветской России являются наиболее бедные слои, которые сильнее страдают от разных видов депривации («абсолютного и относительного обнищания», в терминологии марксизма). По относительным (самооценочным) показателям при сравнении пяти опросов за 1997–2019 гг., желающие перемен чаще имеют лучшие самооценки своего социально-экономического положения, чем сторонники стабильности, хотя конкретно в 2019 г. ситуация была почти равновесной (по одним критериям лучше себя чувствовали желающие перемен, а по другим — наоборот, сторонники стабильности). Аналогичный, хотя и менее выраженный результат получен и по абсолютным показателям дохода в 2019 г.: желающие перемен оказались в среднем на 9% состоятельнее сторонников стабильности. Можно резюмировать, что сторонники перемен в России на протяжении последних почти 20 лет — как правило, вовсе не бедные, а люди со средними доходами (скорее всего, нижняя часть среднего класса). Это также подтверждает предположение западных исследователей, что в протестных акциях участвуют в основном те, у кого есть определённый ресурс (хотя бы свободное время) влиять на происходящие события.

Те же, у кого социально-экономическое положение наиболее плохое, слишком поглощены выживанием и чаще готовы поддерживать стабильность в обществе, ассоциирующуюся у них с отсутствием изменений в худшую сторону.

В-третьих, пик социально-экономической депривации однозначно остался в 1990-х гг., когда даже желающие перемен лишь по немногим аспектам чувствовали себя неплохо, а у сторонников стабильности по абсолютно всем аспектам доминировали негативные самооценки. В 2019 г. в обеих группах преобладали положительные самооценки, поэтому говорить об «обострении выше обычного нужды и бедствий» сейчас гораздо меньше оснований, чем в конце 1990-х. Однако есть определённые симптомы того, что акторы запроса на перемены к концу 2010-х гг. приобретают новые черты: будучи более удовлетворёнными своим бэкграундом, они демонстрируют неудовлетворённость теми аспектами своей жизни, которые определяют их будущее (материальное положение, доступ к качественной медицинской помощи и, особенно, возможности выразить свои политические взгляды).

В-четвёртых, на первый план в современных условиях, в отличие от первого постсоветского десятилетия, выходят скорее социально-политические факторы (именно они задают главный современный контекст протестных настроений). В конце 1990-х гг. желающие перемен в целом вполне положительно оценивали возможности для политического волеизъявления, но отрицательно — все шесть аспектов своего материального положения. А в конце 2010-х гг. ситуация выглядела почти зеркально: желающие перемен бóльшую часть аспектов материального положения оценивали положительно (с минусом — только материальную обеспеченность и возможность проводить отпуск), в то время как оценка возможности выразить свои политические взгляды ушла в минус.

Сущность современного протеста — не только и, возможно, не столько в возмущении ситуацией с материальным обеспечением, отпуском и медицинским обслуживанием, сколько в росте ощущения, что люди теряют возможность через политическую систему подавать власти сигналы. Основные социально-экономические различия последних лет между сторонниками перемен и приверженцами стабильности можно описать следующим образом: желающие перемен острее переживают проблемы материального положения и заботы о своём здоровье, но ещё острее — снижение возможностей в политической сфере жизни общества.

Список литературы

1. *Бызов Л. Г.* Динамика идейно-политических предпочтений за 25 лет. Три этапа трансформации общественного сознания // Россия XXI. 2019. № 1. С. 6–29.

2. *Волков Д., Колесников А.* Мы ждём перемен — 2. Почему и как формируется спрос на радикальные изменения // Московский Центр Карнеги : [сайт]. 6 ноября 2019. URL : <https://carnegie.ru/2019/11/06/ru-pub-80273> (дата обращения: 12.02.2021).

3. Волков Д., Колесников А. Мы ждём перемен. Есть ли в России массовый спрос на изменения? // Московский Центр Карнеги : [сайт]. 25 декабря 2017. URL : <https://carnegie.ru/2017/12/05/ru-pub-74906> (дата обращения: 12.02.2021).
4. Гарт Т. Р. Почему люди бунтуют. СПб. : Питер, 2005. 464 с.
5. Дмитриев М. Э., Никольская А. В. Осенний перелом в сознании россиян: мимолетный всплеск или новая тенденция? // Общественные науки и современность. 2019. № 2. С. 19–34. DOI: 10.31857/S086904990004335-0.
6. КГИ представляет доклад «Признаки изменения общественных настроений и их возможные последствия» // Комитет гражданских инициатив : [сайт]. 11.10.2018. URL : <https://komitetgi.ru/news/news/3902/> (дата обращения: 21.02.2021).
7. Латов Ю. В. Идеологические векторы и скаляры действий сторонников перемен // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 15–28. DOI: 10.31857/S013216250007738-4.
8. Латова Н. В. Акторы запроса на институциональные перемены в современной России (социально-психологический контекст) // Journal of Institutional Studies. 2019. № 11(3). С. 119–134. DOI 10.17835/2076-6297.2019.11.3.119-134.
9. Мамонов М. В., Гаврилов И. В., Вядро М. А. Имитационные характеристики президентских выборов 2018 г. и их влияние на следующий электоральный цикл: результаты опросов общественного мнения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4 (146). С. 124–147. DOI: 10.14515/monitoring.2018.4.08.
10. Медушевский А. Н. Конституция и социальный запрос на изменения в современном российском обществе // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 1 (128). С. 21–41. DOI: 10.21128/1812-7126-2019-1-21-41.
11. Мерзлякин Н. В., Ростовская Т. К. Неопределенность и риски российской реальности: запрос на перемены // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2018. Т. 23. С. 71–79. DOI: 10.26516/2073-3380.2018.23.71.
12. Мчедлова М. М., Кофанова Е. Н. Россия в ожидании перемен: религиозный фактор и социально-политические предпочтения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22, № 1. С. 7–21. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-7-21.
13. Петухов В. В. Российская молодёжь и её роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3 (157). С. 119–138. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1621.
14. Петухов В. В., Петухов Р. В. Запрос на перемены: причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 119–133. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.09.
15. Российское общество осенью 2018-го: тревоги и надежды / М. К. Горшков, Н. Д. Коленникова [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2019. URL: https://www.isras.ru/files/File/Doklad/Rossiiskoe_obschestvo_osenyu_2018.pdf (дата обращения: 15.03.2021).
16. Bernburg J. G. Economic Crisis and Popular Protest in Iceland, January 2009: The Role of Perceived Economic Loss and Political Attitudes in Protest Participation and Support // Mobilization: An International Quarterly. 2015. Vol. 20(2). P. 231–252.
17. Brady H. E. An Analytical Perspective on Participatory Inequality and Income Inequality // Social Inequality / Ed. by K. M. Neckerman. New York : Russell Sage Foundation. 2004. P. 667–702.
18. Grasso M. T., Giugni M. Protest participation and economic crisis: The conditioning role of political opportunities // European Journal of Political Research. 2016. Vol. 55, № 4. P. 663–680.

19. *Geschwender J. A.* Explorations in the theory of social movements and revolutions // *Social Forces*. 1968. Vol. 47 (2). P. 127–135.
20. *Gurr T. R.* *Why Men Rebel*. Princeton (N.J.) : Princeton University Press, 1970. 407 p.
21. *Kurer T., Häusermann S., Wüest B., Enggist M.* Economic grievances and political protest // *European Journal of Political Research*. 2019. Vol. 58 (3). P. 866–892.
22. *Rüdig W., Karyotis G.* Who protests in Greece? Mass opposition to austerity // *British Journal of Political Science*. 2014. Vol. 44 (3). P. 487–513.
23. *Solt F.* Economic Inequality and Democratic Political Engagement // *American Journal of Political Science*. 2008. Vol. 52 (1). P. 48–60.
24. *Von Fintel M., Ott G.* Political Culture and Participation in South Africa: The Role of Socio-Economic Factors // *Taiwan Journal of Democracy*. 2017. Vol. 13 (1). P. 77–99.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Латова Наталия Валерьевна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: myshona@rambler.ru

AuthorID РИНЦ: 135286

Дата поступления в редакцию: 30.10.2020. Принята к печати: 12.01.2021.

DOI: 10.19181/snsp.2021.9.2.8098

Socio-Economic Status of the Actors of the Request for Changes

This article has been prepared with financial support from the Russian Foundation for Basic Research under Project No. 19-011-00277

Natalya V. Latova¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, b.1, Bol'shaja Andron'evskaja str., Moscow, Russia, 109544

For citation: Latova N. V. (2021). Socio-economic status of the actors of the request for changes. *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika*. Vol. 9. № 2. P. 7–26. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.2.8098

Abstract. The article analyzes the socio-economic situation of supporters of change and adherents of stability in the statics (according to 2019) and dynamics (during 1997–2019). The analysis confirms the concept that the importance of the absolute socio-economic situation (level of income) has no significant connection with the presence/absence of protest requests. The study of subjective satisfaction with the socio-economic situation was found to be more productive. At the same time, the point of view that the main supporters of change in post-Soviet Russia are Russians who feel they are poorer should be strongly rejected. The analysis showed that supporters of change in Russia are, as a rule, people with average financial status. At the same time, compared to previous years, by the end of the 2010s actors for change are gaining new features: being more satisfied with their background, they demonstrate dissatisfaction with the aspects of their lives that determine their future (material situation, access to quality medical care and, especially, the ability to express their political views). Social and political factors, in contrast

to the first post-Soviet decade, come to the fore. In general, the main social and economic differences in recent years between supporters of change and supporters of stability can be described as follows: those who want to change are more acutely affected by the problems of financial standing and maintaining health, but even more acutely by the decline in political opportunities in society.

Keywords: request for change; supporters of change; adherents of stability; per capita monthly household income; subjective socio-economic situation; opportunity to express political views

REFERENCES

1. Byzov L. G. (2019). Dinamika idejno-politicheskikh predpochtenij za 25 let. Tri etapa transformacii obshchestvennogo soznaniya. [The dynamics of ideological and political preferences for 25 Years. Three stages of transformation of social consciousness]. *Rossiya XXI*. №3. P. 6–25. (In Russ.).
2. Volkov D., Kolesnikov A. (2017). *My zhdem peremen. Est' li v Rossii massovyy spros na izmeneniya?* [We're waiting for change. Is there a mass demand for changes in Russia?] M.: Moskovskij Centr Karnegi: [sayt]. URL: <https://carnegie.ru/2017/12/05/ru-pub-74906> (data obrascheniya: 21.02.2021). (In Russ.).
3. Volkov D., Kolesnikov A. (2019). *My zhdem peremen – 2. Pochemu i kak formiruetsya spros na radikal'nye izmeneniya* [We're waiting for change – 2. Why and how demand for radical changes is formed] M.: Moskovskij Centr Karnegi: [sayt]. URL: <https://carnegie.ru/2019/11/06/ru-pub-80273> (data obrascheniya: 21.02.2021). (In Russ.).
4. Gurr T. R. (2005). *Pochemu lyudi buntuyut* [Why men rebel]. SPb.: Piter publ. 461 p. (In Russ.).
5. Dmitriev M. E., Nikolskaya A. V. (2019). *Osennij perelom v soznanii rossijan: mimoletnyj vsplesk ili novaya tendenciya?* [Autumn break in the minds of Russians: a fleeting surge or a new trend?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. № 2. P. 19–34. DOI: 10.31857/S086904990004335-0. (In Russ.).
6. *KGI predstavlyaet doklad "Priznaki izmeneniya obshchestvennykh nastroyeniy i ikh vozmozhnyye posledstviya"*. [The OIG presents the report "Signs of changing public attitudes and their possible consequences]. Komitet grazhdanskikh initsiativ: [sait]. 11.10.2018. URL: <https://komitetgi.ru/news/news/3902/> (data obrascheniya: 21.02.2021). (In Russ.).
7. Latov Yu. V. (2019). Ideologicheskie vektory i skalyary dejstvij storonnikov peremen [Ideological vectors and scalars of action for proponents of change]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No.12. P. 15–28. (In Russ.).
8. Latova N. V. (2019). Aktory zaprosa na institutsional'nye peremeny v sovremennoy Rossii (sotsial'no-psikhologicheskij kontekst). [Actors of the request for institutional changes in modern Russia (socio-psychological context)]. *Journal of Institutional Studies*. № 11(3). P. 119–134. DOI 10.17835/2076-6297.2019.11.3.119-134. (In Russ.).
9. Mamonov M. V., Gavrilov I. V., Vyadro M. A. (2018). Imitacionnye karakteristiki prezidentских выборов 2018 g. i ih vliyanie na sleduyushchij elektoral'nyj cikl: rezul'taty oprosov obshchestvennogo mneniya. [Imitational features of the 2018 presidential elections and their impact on the next electoral cycle: results of public opinion polls]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*. № 4. P. 124–147. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.08>. (In Russ.).
10. Medushevsky A. N. (2019). Konstituciya i social'nyj zapros na izmeneniya v sovremennom rossijskom obshchestve. [The Constitution and social demand for change in contemporary Russian society]. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie*. Vol. 128. No. 1. P. 21–41. DOI: 10.21128/1812-7126-2019-1-21-41. (In Russ.).

11. Merzlikin N. V., Rostovskaya T. K. (2018). Neopredelennost' i riski rossijskoj real'nosti: zapros na peremeny. [Uncertainty and risks of Russian reality: demand for change]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie*. Vol. 23. P. 71–79. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.23.71> (In Russ.).
12. Mchedlova M. M., Kofanova E. N. (2020). Rossiya v ozhidanii peremen: religioznyj faktor i social'no-politicheskie predpochteniya. [Russia in anticipation of changes: religious factor and socio-political preferences]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya*. Vol. 22. № 1. P. 7–21. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-7-21. (In Russ.).
13. Petukhov V. V. (2020). Rossijskaya molodezh' i ee rol' v transformacii obshchestva [Russian youth and its role in society transformation]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. № 3. P. 119–138. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621> (In Russ.).
14. Petukhov V. V., Petukhov R. V. (2019). Zapros na peremeny: prichiny aktualizacii, klyucheveye slagaemye i potencial'nye nositeli [Request for change: factors and causes of its actualization, key components, and potential carriers]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. № 5. P. 119–133. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.09. (In Russ.).
15. *Rossiiskoe obshchestvo osen'yu 2018-go: trevogi i nadezhdy*. (2019). M.: FNISC RAN publ. URL: https://www.isras.ru/files/File/Doklad/Rossiiskoe_obschestvo_osenyu_2018.pdf (data obrascheniya: 15.03.2021). (In Russ.).
16. Bernburg J. G. (2015). Economic crisis and popular protest in Iceland, January 2009: The role of perceived economic loss and political attitudes in protest participation and support. *Mobilization: An International Quarterly*. Vol. 20(2). P. 231–252.
17. Brady H. E. (2004). An analytical perspective on participatory inequality and income inequality. *Social Inequality*. Ed. by K. M. Neckerman. New York : Russell Sage Foundation. 2004. P. 667–702.
18. Geschwender J. A. (1968). Explorations in the theory of social movements and revolutions. *Social Forces*. Vol. 47(2). P. 127–135.
19. Grasso M. T., Giugni M. (2016). Protest participation and economic crisis: The conditioning role of political opportunities. *European Journal of Political Research*. Vol. 55. № 4. P. 663–680.
20. Gurr T. R. *Why men rebel*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1970. 407 p.
21. Kurer T., Häusermann S., Wüest B., Enggist M. (2019). Economic grievances and political protest. *European Journal of Political Research*. Vol. 58(3). P. 866–892.
22. Rüdiger W., Karyotis G. (2014). Who protests in Greece? Mass opposition to austerity. *British Journal of Political Science*. Vol. 44(3). P. 487–513.
23. Solt F. (2008). Economic Inequality and Democratic Political Engagement. *American Journal of Political Science*. Vol. 52(1). P. 48–60.
24. Von Fintel M., Ott G. (2017). Political culture and participation in South Africa: the role of socio-economic factors. *Taiwan Journal of Democracy*. Vol. 13 (1). P. 77–99.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Latova Natalya Valer'evna, Candidate of Sociology, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.
E-mail: myshona@rambler.ru
 ORCID Id: 0000-0001-9315-2588
 ResearcherId: C-4665-2014
 Scopus AuthorId: 25927190500

The article was submitted on October 30, 2020. Accepted on January 12, 2021.